

Улю, приняв облик лисенка, не мог скрыть волнения: Ох, ну и мастер же мой хозяин в искусстве обольщения! Будь я на месте Регента, уже давно бы потерял голову.

Ветер за окном, казалось, стих. Чистый лунный свет пробивался сквозь стекло, заливая комнату, и вокруг воцарилась полная тишина.

Линь Сюэцзи тихо рассмеялся, наполнил кубок и осушил его одним глотком. Это вино из османтуса поначалу казалось легким и приятным, но стоило допить, как хмель начинал медленно туманить голову.

Линь Сюэцзи пристально смотрел на собеседника. У Цзи Синхэ был волевой нос, густые брови и пронизательный взгляд — он был наделен истинно мужской статью. Обычно он носил черные одежды, но сегодня облачился в светло-голубой халат, который смягчил его суровость, добавив юношеского задора. В конце концов, ему было всего чуть больше двадцати, разве мог он быть по-настоящему старым?

Цзи Синхэ слушал Линь Сюэцзи, и сердце его словно воспарило ввысь. Он чувствовал себя так, будто окунулся в чан с медом. Нельзя было верить каждому слову, но после десяти лет при дворе и восьми лет в должности Регента эти слова почему-то отзывались в нем невероятным удовлетворением. Даже если этот довод не казался убедительным.

Цзи Синхэ усмехнулся и спросил:

— Когда Государство Вэй отправляло тебя сюда, разве не предупреждали, что я жесток, кровожаден и убиваю людей, словно траву кошу? Не советовали держаться от меня подальше?

Линь Сюэцзи, чьи глаза лучились улыбкой, от выпитого вина слегка захмелел, и родинка в уголке его глаза стала казаться еще более притягательной:

— Раз уж Государство Вэй отправило меня сюда, значит, им уже было все равно, выживу я или нет. Им просто нужен был кто-то, чтобы скрепить отношения с Государством Юн. Нет принцессы — пошлем принца. Если закончатся принцы, найдутся и другие. Для Вэй это лишь очередная попытка.

Он помедлил и добавил:

— Я люблю Вас, Ваше Высочество, так кого же мне еще выбирать? К тому же, говорят, Вы жестоки и кровожадны, но так ли это на самом деле? Я привык верить лишь тому, что вижу собственными глазами. Вот уже больше месяца я рядом с Вами, и со мной ничего не случилось. Выходит, слухи лгут.

Линь Сюэцзи моргнул. От вина уголки его глаз покраснели, придавая лицу соблазнительное выражение. Цзи Синхэ, глядя на его улыбку, невольно усмехнулся — ведь слухи о его

жестокости были правдой. Он действительно погубил немало людей; если бы все трупы сложили в одну гору, она достала бы до небес. Десять лет назад, во время смуты, когда в Государстве Юн одновременно боролись четыре группировки, страна погрузилась в хаос, а тут еще и засуха... Без жестких, крайних мер было не обойтись. Именно его «железная рука» вернула Юн стабильность за два года. Чтобы избежать борьбы за трон и ослабления страны, он добровольно уступил власть племяннику, ограничившись титулом Регента. Но племянник оказался недалеким, и Цзи Синхэ не ждал от него великих свершений, однако не ожидал, что тот посягнет на его жизнь.

— Один полководец прославляется, а тысячи костей гниют в земле, — Линь Сюэцзи с восхищением посмотрел на Регента. — Тем более, что в Ваших руках судьба всего Государства Юн, и все, что Вы делали, было ради народа.

Сердце Цзи Синхэ дрогнуло. Весь мир, и даже жители Юн, называли его тираном, жаждущим власти, и только А-Цзи сказал, что он действовал во благо людей.

В глазах Линь Сюэцзи открыто читались амбиции. Он усмехнулся и отчетливо произнес:

— Вы, Ваше Высочество, прирожденный император.

Цзи Синхэ улыбнулся:

— А-Цзи, это самая высокая похвала, которую я когда-либо слышал. Хотя борьба за трон — это путь, где девять из десяти погибают, а на вершине всегда холодно, но пока ты рядом, мое сердце будет спокойно.

У Линь Сюэцзи внутри все затрепетало.

— И если однажды я взойду на трон, есть ли у тебя желание, которое я непременно исполню, чего бы мне это ни стоило?

Линь Сюэцзи тихо рассмеялся:

— Ваше Высочество, просто запомните это обещание.

Цзи Синхэ пристально смотрел в глаза Линь Сюэцзи. Его А-Цзи, безусловно, заслуживал самого лучшего.

— Конечно, запомню. Слово благородного мужа тверже стали.

— Хорошо. Я верю Вам, Ваше Высочество. А можете ли Вы верить мне так же, как я верю Вам?

Цзи Синхэ торжественно кивнул:

— Я буду верить А-Цзи, без тени сомнения.

— Это Вы сказали, — Линь Сюэцзи не сдержал улыбки и пригубил еще вина.

Видя, как он улыбается, Цзи Синхэ тоже невольно заулыбался. От вина родинка у глаза Линь Сюэцзи стала еще ярче, и сейчас он выглядел невероятно пленительно. Цзи Синхэ неловко отвел взгляд — дело было не в отсутствии выдержки, а в том, что А-Цзи был слишком соблазнителен.

Линь Сюэцзи нашел этот замешательство Цзи Синхэ забавным. Ему захотелось подразнить его, в душе проснулось озорство. Он снова отпил вина, приподнял уголки губ и коснулся губами губ мужчины напротив.

Когда поцелуй закончился, бледное лицо Линь Сюэцзи слегка покраснелось. На самом деле, он ничего особенного не замышлял, просто хотел научить его пить вино. А Цзи Синхэ все еще смаковал сладость этого момента.

Линь Сюэцзи, пошатываясь, направился к окну, посмотрел на заснеженный мир и сделал вид, что собирается прыгнуть вниз. Цзи Синхэ испугался и бросился его удерживать. Линь Сюэцзи рассмеялся и посмотрел на него. Его голос невольно дрогнул, переходя на капризный тон:

— Ваше Высочество, Ваше Высочество, я хочу посмотреть на снег. Не мешайте мне, я хочу походить по нему.

Улю: ...разве его хозяин не говорил, что может выпить тысячу чаш и не опьянеть? Как он умудрился стать таким ребенком?

Линь Сюэцзи: ...как бы помягче и без неловкости объяснить своей Системе, что если она его не блокирует, то он слышит все ее мысли? Впрочем, ладно, лучше просто прикинуться пьяным.

Цзи Синхэ помедлил. У него не было иммунитета к А-Цзи, а к капризничающему А-Цзи — тем более. Он накинул на Линь Сюэцзи плащ и, видя, что тот едва держится на ногах, слегка пригнулся и посадил его к себе на спину.

— Хорошо, А-Цзи, пойдем смотреть на снег. Я сам понесу тебя по нему.

Линь Сюэцзи, только начавший входить в роль, опешил, оказавшись на спине у Цзи Синхэ. Его глаза наполнились влагой, и он тихо прислонился головой к правому плечу мужчины. Он лежал неподвижно, понимая, что ведет себя слишком сентиментально, но внутри рождалось странное, невыразимое чувство. Вскоре он осознал, что слезы уже катятся по щекам.

Цзи Синхэ нес его, ощущая укол жалости: А-Цзи казался таким стройным, а на спине был легким, словно перышко, совсем не походил на юношу, достигшего совершеннолетия. Цзи Синхэ прошел через горнила войны, поэтому нести человека для него было сущим пустяком. Но теперь на его спине был самый дорогой человек. Он боялся приложить слишком много силы и причинить боль, а приложив слишком мало — боялся не удержать. Он ступал

осторожно, опасаясь доставить А-Цзи хоть малейший дискомфорт.

Улю: ...кажется, меня снова накормили собачьим кормом, и, кажется, меня снова забыли. У-у-у. Ну ничего, я уже взрослая лиса, я научился бегать за хозяином самостоятельно.

Вдруг Улю поднял голову и увидел слезы в уголках глаз своего хозяина. Как так? Разве он не должен был уже спать? Улю ничего не понимал.

Ланьдanh: он уже устал повторять слово усталость. Почему, когда его господин влюбляется, страдать приходится ему?

Снег перестал идти. В небе висел серп луны, чей ясный, холодный свет делал заснеженную землю еще чище.

— А-Цзи, снег мокрый и холодный, давай я понесу тебя?

Линь Сюэцзи молчал так долго, что Цзи Синхэ решил, будто тот уснул, но наконец Линь Сюэцзи глухо отозвался:

— М-м.

Цзи Синхэ улыбнулся и, бережно неся Линь Сюэцзи, медленно пошел по снегу. В лунном свете улица была тиха, и их тени, слившись воедино, тянулись далеко-далеко.

<http://bllate.org/book/18626/1793292>